

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-133-141

Вилли Андреевич Маслов

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, villi@e1.ru

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Реализация принципа гуманизма в уголовно-правовой политике

Аннотация: В целях оценки реализации принципа гуманизма в уголовно-правовой политике современной России исследуется нормативное закрепление, доктринальная интерпретация и законодательные корректировки норм уголовного закона. Для корректного понимания принципа гуманизма и уточнения его специфики применительно к рассматриваемой проблеме выделяется ряд направлений деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, сформированных в виде последовательных этапов (стадий) борьбы с преступностью. Анализ изменения санкции ч. 1 ст. 204 УК РФ позволил утверждать, что наиболее корректным предлагается именовать действия законодателя как «непоследовательные, но в целом соответствующие требованиям принципа гуманизма», поскольку ряд законодательных корректировок (к примеру, снижение как верхних, так и нижних границ кратности штрафа) «находятся в рамках» гуманистических начал, в то время как иные изменения (к примеру, повышение максимального наказания в виде лишения свободы с двух до трёх лет в период 2008–2016 гг.) именовать гуманными достаточно дискуссионно. Неоднозначная оценка дана реализации принципа гуманизма при законодательных корректировках обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Факты исключения неоднократности; корректировки ч. 1 ст. 62 УК РФ как относительно снижения назначаемого наказания при совершении одного из действий, предусмотренных или п. «и», или п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, так и относительно рамок назначаемого наказания с трёх четвертей до двух третей; и ряд иных законодательных новелл можно отнести к проявлениям законодательного гуманизма. В то же время отнесение к действиям в соответствии с принципом гуманизма включения в перечень отягчающих наказание обстоятельств совершения умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, а также совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма признано дискуссионным.

Ключевые слова: наказание, принцип гуманизма, уголовная политика, уголовно-правовая политика, смягчающие наказание обстоятельства, отягчающие наказание обстоятельства

Для цитирования: Маслов В. А. Реализация принципа гуманизма в уголовно-правовой политике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 133–141; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-133-141.

Willy A. Maslov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, villi@e1.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepin str., Yekaterinburg, 620057 Russian Federation

Implementation of the principle of humanism in criminal law policy

Abstract: In order to assess the implementation of the principle of humanism in the criminal law policy of modern Russia, the author investigates the regulatory consolidation, doctrinal interpretation and legislative adjustments of the norms of the criminal law. For a correct understanding of the principle of humanism and clarification of its specifics in relation to the problem under consideration, a number of areas of state activity are identified within the framework of the implementation of criminal policy, formed in the form of successive stages of the fight against crime. Analysis of the change in the sanction, Part 1, Art. 204 of the Criminal Code of the Russian Federation made it possible to assert that it is proposed to refer

to the actions of the legislator as «inconsistent, but in general meeting the requirements of the principle of humanism» as the most correct, whereas a number of legislative adjustments (for example, reduction of both the upper and lower limits of the fine multiplicity) «are within the limits» of humanistic principles, while other changes (for example, the increase of the maximum sentence of imprisonment from two to three years in the period from 2008 to 2016) can be called humane is rather debatable. An ambiguous assessment is given to the implementation of the principle of humanism in the context of legislative adjustments to circumstances mitigating and aggravating punishment. Facts of exclusion of repetition; adjustments of Part 1 of Art. 62 of the Criminal Code of the Russian Federation as to the reduction of the imposed punishment when one of the actions provided for in paragraph “и” or paragraph “к” of Part 1 of Art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation is committed, and regarding the scope of the imposed punishment from three quarters to two thirds; and a number of other legislative innovations can be attributed to manifestations of legislative humanism. At the same time, the inclusion in the list of aggravating circumstances of the commission of an deliberate crime by an employee of the internal affairs body, as well as the commission of a crime in order to promote, justify and support terrorism, is considered debatable as actions in accordance with the principle of humanism.

Keywords: punishment, principle of humanism, criminal policy, criminal law policy, mitigating circumstances, aggravating circumstances

For citation: Maslov W. A. Implementation of the principle of humanism in criminal law policy // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 133–141; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-133-141.

Введение

Как известно, ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет правовые основы принципа гуманизма, содержащие, с одной стороны, требование обеспечения безопасности человека, с другой стороны, указание на то, что меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не должны иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Данные концептуальные положения требуют детального рассмотрения ввиду неоднозначных оценок современной отечественной уголовной политики, в том числе констатации того, что «происходящие в последние годы изменения уголовного закона, официально объявляемые проявлением гуманизации и либерализации, в действительности не имеют отношения к этим высоким идеям, выступая свидетельством реализации отдельных несистемных властных импульсов, продиктованных субъективными политико-прагматическими целями» [1, с. 45].

Указанные авторы справедливо задаются вопросом: «Неужели (действительно ли) казнь преступника, пожизненное заключение, длительный срок лишения свободы, т. е. все бесчеловечные, связанные с подавлением человеческого в человеке наказания, неужели жестокость к виновному можно рассматривать как проявление человеколюбия к потерпевшему со стороны государства? Полагаем, что в данном случае уместно говорить о справедливости, о воздаянии «по делам его». Если угодно – о мести. Но гуманизм здесь – неадекватное словоприменение» [1, с. 41]. Как следствие, учёные поднимают вопрос о принципиальной возможности уголовного наказания быть гуманным или либеральным [1, с. 44].

В свете указанных позиций представляется весьма актуальным рассмотрение вопросов доктринального понимания, закреплённого как

на конституционном уровне, так и на уровне уголовного закона, принципа гуманизма, а также практики реализации гуманистических начал в уголовно-правовой политике современной России.

Описание исследования

Начать рассмотрение заявленной тематики считаем возможным с рассмотрения используемых в настоящем исследовании дефиниций. Под уголовной политикой мы будем понимать стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности, в то время как под уголовно-правовой политикой – деятельность государственных органов по нормативному определению концептуальных основ борьбы с преступностью посредством закрепления целесообразных мер воздействия за совершение антиобщественных деяний.

Отметим, что принцип гуманизма доктринально признается принципом уголовной политики в трудах таких учёных, как Г. Ю. Лесников¹, Д. В. Семькин², Н. А. Лопашенко [2, с. 46], Э. Ф. Побегайло [3, с. 14], М. В. Бавсун³. При этом нередко данный принцип указывается одним из первых, что, исходя из ранжированности (распределения по значимости) систем принципов уголовного права, мы признаем корректным.

¹ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 9.

² Семькин Д. В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 8.

³ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2013. – С. 27.

Стоит сказать, что принцип гуманизма – общий принцип всей правовой системы [4, с. 41], закреплённый как основа государственной политики и правовой системы в ст. 2 Конституции России. В то же время гуманизм – категория, приковывающая взгляды учёных разных направлений: философов [5–7], педагогов [8–9] и психологов [10–11], что неизбежно накладывает свой специфический «отпечаток» при определении юридического содержания гуманизма как принципа уголовной политики.

Гуманизм чаще всего понимается как признание человека высшей ценностью и, как следствие, организация общественных отношений с учётом данного требования.

Известный российский исследователь Э. Ф. Побегайло в своих трудах указывает на существенные качества принципа гуманизма, в частности, отмечая, что «принцип гуманизма с позиций уголовной политики имеет двуединую направленность, две стороны. Одна обращена к потерпевшим от преступлений, реальным и возможным, другая – к преступнику» [3, с. 15; 12, с. 13]. Он также считает, что «гуманизм должен проявляться прежде всего по отношению к обществу в целом. Человечность, гуманизм есть терпимость к человеческим слабостям и нетерпимость к тяжким, бесчеловечным преступлениям» [13].

Отдельного внимания заслуживает точка зрения Э. Ф. Побегайло, согласно которой «в соответствии с принципом гуманизма лицу, совершившему преступление, должно быть назначено минимальное наказание, достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений. Нормы уголовного законодательства направлены на то, чтобы каждый оступившийся человек, нарушивший закон, мог исправиться, искупить свою вину и вернуться к честной жизни» [14, с. 68], а также то, что «важнейшее требование гуманизма в сфере борьбы с преступностью – оградить человека как высшую социальную ценность от преступных посягательств» [14, с. 68].

Соглашаясь с указанной точкой зрения, отметим то обстоятельство, что гуманизация уголовной политики не должна идти по пути безусловного смягчения ответственности под лозунгом «человеколюбия», а «должна предполагать и последовательную криминализацию деяний, причиняющих существенный вред человеку и гуманистическим ценностям общества, и максимально возможное в данных условиях места и времени сокращение уровня репрессивности закона и правоприменительной практики» [1, с. 41].

В целях корректного понимания принципа гуманизма применительно к уголовной политике представляется возможным выделить ряд направлений деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, сформированных в виде последовательных этапов (стадий) борьбы с преступностью.

Во-первых, стадия выявления и определения наиболее общественно опасных деяний

(в том числе характеризуемых распространённостью и массовостью), деяний, утративших общественную опасность, в целях решения вопроса о целесообразности корректировки уголовного закона.

С точки зрения реализации принципа гуманизма на данном этапе необходимо делать акцент на том, что наименее общественно опасные деяния (общественно вредные) не нуждаются в криминализации, и лишь те деяния, которые способны причинить обществу существенный вред, нуждаются в уголовно-правовой охране (запрете их совершения). Недопустимы криминализация и пенализация не имеющих реальной общественной опасности деяний, вследствие чего человек без асоциальных установок признается преступником, и его связь с законопослушным обществом в той или иной мере утрачивается.

Подчеркнём, что указанная деятельность (определение общественной опасности деяний в целях решения вопроса о целесообразности их регламентации уголовным законом) носит преимущественно не уголовно-правовой, а криминологический характер, поскольку предполагает учёт обстоятельств, устанавливаемых средствами и приёмами криминологического прогнозирования (методами криминологической футурологии).

Во-вторых, стадия установления правовых основ борьбы с общественно опасными деяниями.

Данная стадия может быть интерпретирована как: криминализация / пенализация с учётом необходимости установления справедливой с точки зрения общества меры ответственности; декриминализация / депенализация как необходимый законодательный инструмент при обнаружении существенного снижения общественной опасности деяний, ранее представлявших угрозу для общества; дифференциация ответственности как закономерная реакция на изменяющиеся общественные отношения.

При этом в данном случае мы говорим не только о формировании статей Особенной части УК РФ, но и о концептуальных положениях Общей части, закладывающих правовой материальный фундамент борьбы с преступностью. С точки зрения принципа гуманизма наиболее существенными представляются положения, регламентирующие понятие и категоризацию преступлений, институты рецидива, совокупности, формы вины, стадий совершения преступления, соучастников в преступлении. Особое место в указанном перечне занимает институт наказаний. Данная совокупность взаимосвязанных положений и есть тот фундамент, который призван создать для правоприменителей чёткое и недвусмысленное понимание (в том числе и определённые «рамки») их возможностей в части выполнения задач, стоящих перед уголовной политикой.

В-третьих, стадия привлечения лиц, совершивших преступление, к ответственности. На данном этапе реализуется правопримени-

тельная деятельность (юридическая оценка конкретного факта действительности): раскрытие и расследование преступления, установление виновного лица, индивидуализация и реализация наказания.

Содержательно данные действия осуществляются в рамках уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики. Говоря о гуманистической составляющей, стоит сказать, что данный этап представляет особое значение, поскольку именно в этот период, с одной стороны, ограничиваются права конкретного человека (того самого, который является «высшей ценностью»), с другой стороны, обеспечивается общественный правопорядок.

В-четвертых, стадия ресоциализации лиц, отбывших наказание (реинтеграции их в законопослушное общество). Данная постпенитенциарная деятельность в свете гуманистических начал направлена на оказание содействия лицам, в той или иной степени потерявшим социальные связи.

Неоспоримым представляется то обстоятельство, что гуманизм уголовной политики состоит в том, что уголовный закон должен быть предельно суров с лицами, представляющими существенную опасность для общества, и снисходителен к тем, кто оступился однократно, не имея злого умысла и асоциальных установок «был вынужден» преступить черту закона ввиду тяжёлой жизненной ситуации, поддавшись сиюминутному желанию получить несколько больше того, на что имеет право, и т. д.

Здесь уместно будет подчеркнуть, что гуманизм – лишь один из принципов, закреплённых в уголовном законе, что предполагает необходимость как законодателя, так и правоприменителя руководствоваться при принятии решений не только гуманистическими началами, но и требованиями справедливости, законности и т. д. Проблема в данном случае кроется в возможных противоречиях, возникающих в процессе регулирования общественных отношений как путём правотворчества, так и при применении существующих норм. Принципиальная основа деятельности заинтересованных субъектов – практика гибкого сочетания различных основополагающих начал – обуславливает необходимость в условиях противоречий избирать компромиссный вариант. Однако необходимо понимать и то, что подобные противоречия априори не должны иметь характер концептуальных, что предполагает обоснованность дифференцированного рассмотрения практики реализации тех или иных принципов (в нашем случае – принципа гуманизма).

Говоря о терминологическом парадоксе, суть которого верно подметили М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, говоря, что наиболее строгое наказание, к примеру, смертная казнь, или длительные сроки лишения свободы, по определению не может именоваться гуманным, стоит отметить следующее.

Во-первых, обозначенная авторами «неа-

декватность словоприменения» возможна только в случае понимания гуманности наказания как требования, обращённого лишь к отношениям с преступником. В то же время принцип гуманизма много шире по своему содержанию и включает, как мы уже установили, помимо отношения к преступнику (в меру снисходительного), ещё и, как нам представляется, более значимую составляющую – гуманность по отношению к обществу. В связи с этим считать факт лишения свободы на длительный срок лица, совершившего, к примеру, серийное убийство, проявлением заботы о правах и свободах членов общества кажется нам вполне допустимым. Необходимо понимать, что подобные лица с выраженной деформацией и строго асоциальными установками представляют существенную угрозу, если представить им свободу передвижения и не осуществлять неустанный контроль за их действиями.

Во-вторых, существующая в настоящее время система наказаний, не имеющая известных царскому периоду истории нашего отечества членовредительских, калечащих и позорящих наказаний, сама по себе существенным образом гуманна, даже с учётом факта нерешённости вопроса смертной казни и наличия среди наказаний длительных сроков лишения свободы.

Необходимо уточнить, что указанный тезис может быть предпосылкой к выводу о том, что отсутствие в настоящее время членовредительских наказаний, предполагающее, что наказание не может иметь своей целью причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ), означает, что любое назначенное с учётом положений уголовного закона наказание должно быть признано гуманным. Данный вывод несколько поспешен и по сути способен нивелировать гуманизм как принцип, при том, что в настоящее время особое внимание уделяется как раз вопросам выбора наиболее оптимального соотношения «деяние–наказание» (соответствие назначенного наказания общественной опасности совершенного деяния), вследствие чего претерпевает изменения как уголовный закон, так и правоприменительная практика судов в части назначаемого наказания.

В-третьих, сущность любого наказания состоит в лишении или ограничении прав лица, при этом необходимо понимать, что это не просто лицо, а лицо, признанное виновным в совершении преступления. Отношение к данному лицу, концентрированно выраженное в привлечении к ответственности и назначении наказания именно, как к преступившему черту закона – вынужденная, но необходимая мера.

Определившись с тем, что принцип гуманизма имеет определённую специфику в зависимости от направления деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, а также с корректностью использования термина «гуманное наказание», позволим себе перейти к рассмотрению вопроса о реализации принципа гуманизма в уголовно-правовой политике России.

Стоит отметить некоторые обстоятельства, на которые указывает М. М. Бабаев, говоря о работе законодателя по ужесточению правил реализации уголовной ответственности, которые идут несколько вразрез с периодически высказываемыми лозунгами о гуманизации уголовной политики. К примеру, учёный говорит о том, что «максимально возможные размеры наказания в виде штрафа за отдельные виды преступлений многократно возросли» [1, с. 43].

Отметим, что тенденция последних лет (с 2011 года) состоит как раз в установлении кратности как в Общей части УК РФ (ст. 46), так и в санкциях статей Особенной части УК РФ, в частности, устанавливающих ответственность за коррупционные правонарушения.

В качестве примера проанализируем законодательные изменения санкции ч. 1 ст. 204 УК РФ – Коммерческий подкуп (сознательно возмём в качестве индикаторов два вида наказания – штраф и лишение свободы):

С 1996 г. санкция предусматривала наказание от 200 до 500 минимальных размеров оплаты труда / лишение свободы до двух лет.

В 2003 г. санкция в виде штрафа была преобразована в твёрдый рублёвый эквивалент до 200 тысяч рублей / лишение свободы до двух лет (ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

В 2008 г. без изменения размера штрафа законодатель увеличил срок лишения свободы до трёх лет (ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ).

В 2011 г. законодатель отказался от твёрдого рублёвого эквивалента и указал возможность назначения штрафа в размере от десятикратной до пятидесятикратной суммы коммерческого подкупа / лишения свободы до трёх лет (ФЗ от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ).

В 2016 г. законодатель предусмотрел возможность назначения наказания в виде штрафа как до 400 тысяч рублей, так и в размере от пятикратной до двадцатикратной суммы коммерческого подкупа, либо лишения свободы до 2 лет со штрафом до 5-кратной суммы коммерческого подкупа (или без такового) (ФЗ от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ).

Данные законодательные трансформации наглядно демонстрируют следующую тенденцию:

– первый период (с 1996 г. по 2003 г.) можно характеризовать как период максимально точной регламентации вариантов реакции правоприменителя с минимальной степенью судебного усмотрения;

– второй этап (с 2004 г. по май 2011 г.) характеризуется установлением твёрдого эквивалента штрафа, существенным расширением границ судебного усмотрения в части его размера и исключением (как оказалось, окончательным) из санкции нормы нижней границы штрафа, что позволило судам варьировать сумму штрафа от 2500 до двухсот тысяч рублей;

– третий этап (с мая 2011 г. по июль 2016 г.) характеризуется отказом от твёрдого эквивалента штрафа и установлением беспрецедентных сумм штрафа от десяти- до пятидесятикратного

размера. Данный этап, как представляется, можно считать наименее проработанным решением законодателя, поскольку такая кратность в совокупности с отказом от твёрдого эквивалента привела к тому, что суды были вынуждены назначать альтернативные наказания;

– заключительный, четвёртый этап (с июля 2016 г. по настоящее время) связан, если можно так сказать, с «доработкой» поспешного законодательного решения 2016 года и характеризуется снижением как нижнего порога суммы штрафа до пятикратного размера, так и верхнего порога до двадцатикратного, а также возвращением в санкцию твёрдого эквивалента.

Некоторые вопросы вызывает также законодательный подход к изменению наказуемости коммерческого подкупа лишением свободы. В данном случае повышение предельного срока лишения свободы в 2008 году до трёх лет вплоть до 2016 года в совокупности с указанными выше особенностями третьего этапа привели к тому, что с 2011 по 2016 год лица, совершившие коммерческий подкуп, оказались в существенно худшей ситуации, нежели лица, совершившие аналогичные деяния в иные периоды (как до декабря 2008 года, так и после июля 2016 года).

Можно сделать вывод о наличии в действиях законодателя признаков, свойственных гуманистическим началам, в части работы с санкцией ч. 1 ст. 204 УК РФ, однако последовательной такую деятельность назвать нельзя по следующим основаниям:

– во-первых, исключение нижних пределов санкций в 2003 г. с учётом правоприменительных реалий сказывается на практике назначения наказания в части существенного его снижения, что в целом не может не признаваться признаком гуманизма. Безусловно, проблема широты границ судебного усмотрения в настоящее время как никогда актуальна, однако, стоит согласиться, что при должном уровне профессионализма судей и при условии соблюдения принципов справедливости и индивидуализации наказания гуманистические начала также будут учтены;

– во-вторых, несмотря на существенный рост максимальной суммы штрафа (с двадцати минимальных размеров оплаты труда до четырехсот тысяч рублей) с учётом времени действия уголовного закона, составляющего четверть века, а также кризисных явлений мирового и российского уровня, следствием которых стала инфляция, существенно выходящая за рамки прогнозных значений Центрального банка России, говорить о том, что данный рост противоречит принципу гуманизма в той части, в которой предполагает возможность назначения несоразмерно большой суммы штрафа, признаем дискуссионным;

– в-третьих, введённая с 2016 г. кратность может с уверенностью называться гуманным проявлением уголовно-правовой политики, поскольку произошло существенное снижение как нижнего (в два раза), так и верхнего (в два с половиной раза) пределов кратности;

– в-четвертых, повторимся относительно неоднозначной оценки динамики изменения санкции в виде лишения свободы, тем не менее отметив, что, на наш взгляд, изменения, внесённые в данную часть в 2016 году (на данный момент окончательные) можно характеризовать как соответствующие принципу гуманизма.

Продолжая рассмотрение вопроса реализации отечественным законодателем принципа гуманизма, позволим себе привести точку зрения М. М. Бабаева, который в качестве показателя действий законодателя, в той или иной степени ужесточающих правила реализации уголовной ответственности, указывал на расширение перечня отягчающих наказание обстоятельств [1].

Для ответа на вопрос о том, в каком направлении, с точки зрения гуманизма уголовно-правовой политики, идёт законодатель, реформируя Уголовный кодекс России в части смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, проанализируем законодательные коррективы десятой главы уголовного закона:

– в 2003 году из перечня отягчающих обстоятельств была исключена неоднократность (ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ);

– в 2010 году законодатель дополнил перечень отягчающих наказание обстоятельств п. «о» «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел» (ФЗ от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ);

– в 2012 году исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств вновь был расширен, и в соответствии с п. «п» ответственность была ужесточена за совершение преступления в отношении несовершеннолетних лицами, ответственными за их воспитание (родителями, педагогическими работниками и т.д.) (ФЗ от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ);

– в 2013 году ст. 63 УК РФ была дополнена ч. 1.1, в соответствии с которой у суда появилось право признания отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения (ФЗ от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ);

– в 2014 году произошло очередное дополнение перечня отягчающих обстоятельств п. «р», который установил повышенную ответственность за совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (ФЗ от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ).

Говоря о внесённых законодателем изменениях в нормы, регламентирующие обстоятельства, смягчающие наказание, стоит отметить:

– в 2008 году законодатель скорректировал ст. 62 УК РФ, указав на то, что если ранее для получения права на снижение назначаемого срока или размера наказания до трёх четвертей от максимально возможного необходимо было наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных как п. «и» (явка с повинной, активное содействие...), так и п. «к» (возмещение имущественного ущерба, заглаживание вреда...), то после вступления изменений в силу для получения указанного права допустимо совершение действий, предусмотренных либо п. «и» либо п. «к» (ФЗ от 14 февраля 2008 г. № 11-ФЗ).

Кроме того, этим же законодательным актом было установлено, что вышеуказанные положения не применяются, если санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает пожизненное лишение свободы или смертную казнь;

– в 2009 году законодатель скорректировал рамки назначаемого при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ, наказания с трёх четвертей до двух третей.

Кроме того, с учётом появления в российском уголовно-процессуальном законодательстве института досудебного соглашения о сотрудничестве в части назначения наказания были установлены требования, в соответствии с которыми при заключении данного соглашения, явке с повинной (активном содействии и т. д.) и отсутствии отягчающих обстоятельств срок и размер наказания не может превышать половины максимально возможного.

Отдельно отметим, что из общего правила, не допускающего применения ч. 1 ст. 62 УК РФ в случае наличия в статье Особенной части УК РФ пожизненного лишения свободы или смертной казни, сделано исключение, устанавливающее, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает как невозможность применения данных видов наказаний, так и необходимость снижения назначаемого наказания по меньшей мере до двух третей от предусмотренного статьёй Особенной части УК РФ;

– в 2011 в ст. 63 УК РФ году были внесены поправки, которые расширили возможности суда в части применения п. «а» ч. 1 данной статьи, и если ранее смягчающим обстоятельством признавалось совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, то сейчас таким признавалось совершение преступления как небольшой, так и средней тяжести (ФЗ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ).

Кроме того, данным законодательным актом ст. 62 УК РФ была дополнена ч. 5, в соответствии с которой наказание, назначенное лицу, согласившемуся с предъявленным ему обвинением, не может превышать двух третей от максимально возможного в санкции статьи Особенной части УК РФ;

– в 2013 году положение ч. 5 ст. 62 УК РФ претерпели изменения в части уточнения ситуации производства по уголовному делу, дознание по которому проводилось в сокращённой форме, предусматривающие назначение наказания не более одной второй от максимально возможного наказания за совершённое преступление.

Вышеуказанная деятельность законодателя с точки зрения принципа гуманизма уголовно-правовой политики может быть интерпретирована следующим образом:

1) во-первых, стоит выделить те законодательные коррективы, которые можно с большой степенью уверенности отнести к проявлениям гуманистических начал, это:

- исключение неоднократности;
- корректировка ч. 1 ст. 62 УК РФ относительно снижения назначаемого наказания при совершении одного из действий, предусмотренных или п. «и» или п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ;
- корректировка рамок назначаемого при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ наказания с трёх четвертей до двух третей;
- регламентация особенностей назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, согласия обвиняемого с предъявленным обвинением как в части неприменимости самых строгих наказаний, так и ограничения при применении иных видов наказаний;

2) во-вторых, такие законодательные коррективы, как установка на неприменимость положений ч. 1 ст. 62 УК РФ, если санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает пожизненное лишение свободы или смертную казнь; ужесточение ответственности при совершении преступления в отношении несовершеннолетних лицами, ответственными за их воспитание; возможность признатьотягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения признаем соответствующим требованиям гуманизации в целом.

В качестве иллюстрации относительно признания отягчающим обстоятельством совершения преступления в состоянии опьянения стоит привести точку зрения А. А. Гребенькова, согласно которой взаимосвязь употребления алкоголя и агрессивного поведения свидетельствует о повышенной опасности лиц, осведомлённых о наличии предрасположенности к агрессии, возможных неблагоприятных последствиях употребления алкоголя, и, несмотря на это, доводящих себя до состояния опьянения [15, с. 50]. Здесь стоит поддержать законодателя в диспозитивности установки на учёт данных обстоятельств судом. Подход, предполагающий дифференциацию ответственности в отношении лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, представляется достаточно гуманным по отношению к обществу, особенно в свете научных исследований, доказывающих необходимость создания государственной целевой программы по борьбе с пьянством и алкоголизмом [16].

В-третьих, включение в перечень отягчающих наказание обстоятельств совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, равно как совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, мы склонны признать скорее отступлением от уголовно-правового принципа гуманизма.

Сказанное аргументируем тем, что, говоря, к примеру, о совершении умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, мы склонны согласиться с авторами, обосновывающими необходимость исключения данного отягчающего наказание обстоятельства из уголовного закона [17]. Справедливо, что при со-

вершении преступления в рамках исполнения должностных обязанностей таким сотрудником факт злоупотребления служебным положением будет учитываться в границах конкретной статьи Особенной части УК РФ как составляющая должностного преступления. Если говорить об ином умышленном преступлении, то в отсутствие связи с исполняемыми служебными обязанностями говорить о какой бы то ни было повышенной общественной опасности не приходится, что и приводит нас к выводу о несоответствии законодательного положения принципу гуманизма.

Говоря об отягчающем обстоятельстве – совершении преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма – стоит отметить, что терроризм в действительности признается одной из глобальных проблем современности⁴. Осознавая данный факт, законодатель на протяжении последних лет кардинально пересмотрел отношение к данному асоциальному явлению: начиная с повышения максимальной санкции в ч. 1 ст. 205 УК РФ с десяти до пятнадцати лет лишения свободы до дополнения уголовного закона составами содействия террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма, обучения в целях осуществления террористической деятельности, организации и участия в террористическом сообществе или террористической организации, несообщения о террористических преступлениях.

Отметим, что данные нововведения получили достаточно неоднозначную, если не сказать скорее отрицательную оценку учёных [18; 19], в том числе ввиду множественности возникших правовых коллизий [20]. В то же время из-за подчас признаваемой даже слишком детальной уголовной регламентации экстремистских и террористических проявлений представляется, что дополнение статьи таким отягчающим наказанием обстоятельством, как совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, излишне.

Заключение

В качестве выводов стоит отметить следующее.

Во-первых, гуманизм как конституционное положение, одновременно нормативно закреплённое в уголовном законе, в настоящее время доктринально признается принципом уголовной политики, под которым мы понимаем императивное требование необходимости при определении и реализации стратегии борьбы

⁴ См.: Калинин А. Е. Современный терроризм: этнополитический и региональный контекст : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2009. – 19 с.; Григоров А. А. Уголовно-правовая ответственность за терроризм в современном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 31 с.; Азимов Р. А. Терроризм как фактор дестабилизации современного российского общества и государства: детерминанта, идеология, механизмы предупреждения : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2013. – 27 с.

с преступностью исходить из приоритета прав человека как высшей ценности.

Во-вторых, в целях корректного понимания принципа гуманизма применительно к уголовной политике представляется возможным выделить ряд направлений деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, сформированных в виде последовательных этапов (стадий) борьбы с преступностью: стадия выявления и определения наиболее общественно опасных деяний и деяний, утративших общественную опасность, в целях решения вопроса о целесообразности корректировки уголовного закона; стадия установления правовых основ борьбы с преступностью; стадия привлечения лиц, совершивших преступление, к ответственности; стадия ресоциализации отбывших наказание. При этом на каждой стадии существует специфика реализации требований гуманизма.

В-третьих, отвечая на вопрос о принципиальной возможности наиболее суровых наказаний, к примеру, пожизненного лишения свободы, именоваться гуманными, мы пришли к выводу о допустимости такой формулировки ввиду того обстоятельства, что уголовно-правовое содержание гуманизма предопределено тем, что в структуре рассматриваемых правоотношений стоит выделять два ключевых субъекта – преступника и государство (представляющее интересы общества). Столь суровое наказание может именоваться гуманным, поскольку оно гуманно по отношению именно к обществу и позволяет обезопасить членов общества от лица, оставить которое на свободе не представляется возможным.

В-четвертых, относительно реализации принципа гуманизма в уголовно-правовой политике анализ изменения санкции ч. 1 ст. 204 УК РФ позволил утверждать, что не представляется возможным дать однозначную оценку де-

ятельности законодателя в контексте гуманизма. С одной стороны, как исключение нижних пределов в санкции статьи, так и снижение как верхних, так и нижних границ кратности наказания мы склонны причислять к проявлениям гуманизма, равно как и обоснованное увеличение твёрдой суммы штрафа вплоть до существующей в настоящее время. С другой стороны, факты как отказа от твёрдой суммы штрафа, так и повышения максимального наказания в виде лишения свободы с двух до трёх лет в период с 2008 по 2016 год признавать реализацией гуманистических начал считаем достаточно дискуссионным. Думается, наиболее корректным будет именовать действия законодателя как «непоследовательные, но в целом соответствующие требованиям принципа гуманизма».

В-пятых, также неоднозначную тенденцию стоит отметить относительно реализации принципа гуманизма при законодательных корректировках обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Факты исключения неоднократности; корректировки ч. 1 ст. 62 УК РФ как относительно снижения назначаемого наказания при совершении одного из действий, предусмотренных или п. «и» или п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, так и относительно рамок назначаемого наказания с трёх четвертей до двух третей; закрепления особенностей назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, согласия обвиняемого с предъявленным обвинением с уверенностью можно отнести к проявлениям законодательного гуманизма. В то же время признаем дискуссионным отнесение к действиям в соответствии с принципом гуманизма включение в перечень отягчающих наказание обстоятельств совершения умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, а также совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Список литературы

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 35–45.
2. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
3. Побегайло Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Международной научно-практической конференции (Краснодар, 28–30 сентября 2012 года): в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. – Т. 1. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России. – 2012. – С. 14–24.
4. Вопленко Н. Н. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 35–48.
5. Лекторский В. А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 22–28.
6. Миллер В. И. Осмысление сущности феномена «Право» в гуманистической традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 39. – С. 133–140. DOI: 10.17223/1998863X/39/14.
7. Миллер В. И. Философское познание сущности и многообразия природы права и гуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 122–131. DOI: 10.17223/1998863X/40/12.
8. Загвязинский В. И. Реальный гуманизм и тенденции развития образования // Образование и наука. Известия Уральского научно-образовательного центра РАО. – 2000. – № 1. – С. 10–15.
9. Нигматов З. Г. Принципы гуманизма и аксиологии в образовании // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 2. – С. 138–144.
10. Балл Г. А. Рациогуманизм как форма современного гуманизма и его значение для методологии человековедения // Мир психологии. – 2013. – № 3. – С. 208–223.
11. Балл Г. А. Психологические принципы современного гуманизма // Вопросы психологии. – 2009. – С. 3–12.
12. Побегайло Э. Ф. Криминологическая обоснованность современной уголовной политики: проблемные вопросы и пути их решения / сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, посвящён-

ной памяти профессором кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – 618 с. (С. 10–19).

13. *Побегайло Э. Ф.* Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях // Российский криминологический взгляд. – 2011. № 2. – С. 203–207.

14. *Побегайло Э. Ф.* К вопросу о криминологической обоснованности дальнейшей гуманизации российского уголовного законодательства // Общество & человек. – 2011. – № 1. – С. 68–71.

15. *Гребеньков А. А.* Алкогольное опьянение и агрессивное поведение человека: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2012. – № 2. – С. 47–51.

16. *Ендольцева А. В., Никитин А. М.* Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. – 2013. – № 13. – С. 27–30.

17. *Муромцев Г. И., Сорочкин Р. А.* Проблемы применения п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ в рамках уголовно-правового механизма борьбы с коррупцией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 55. – С. 11–17.

18. *Rarog A. I.* Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica (Русский Закон). – 2017. – № 4. – С. 155–178. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178.

19. *Иванцов С. В.* Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 91–97.

20. *Ульянова В. В.* Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 442–447.

References

1. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Izmeneniya rossiyskogo ugovolnogo zakona i ikh ugovolno-politicheskaya otsenka // Gosudarstvo i pravo. – 2012. – № 8. – С. 35–45.

2. *Lopashenko N. A.* Ugolovnaya politika. – Moskva: Volters Kluver, 2009. – 579 s.

3. *Pobegaylo E. F.* Ob uglublyayushchemsya krizise rossiyskoy ugovolnoy politiki // Sovremennyye problemy ugovolnoy politiki : materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar, 28–30 sentyabrya 2012 goda): v 2 t. / pod red. A. N. P'yashenko. – T. 1. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii. – 2012. – С. 14–24.

4. *Voplenko N. N.* Ponyatiye i klassifikatsiya printsipov prava // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2014. – № 4. – С. 35–48.

5. *Lektorskiy V. A.* Idealy i real'nost' gumanizma // Voprosy filosofii. – 1994. – № 6. – С. 22–28.

6. *Miller V. I.* Osmysleniye sushchnosti fenomena «Pravo» v gumanisticheskoy traditsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2017. – № 39. – С. 133–140. DOI: 10.17223/1998863X/39/14.

7. *Miller V. I.* Filosofskoye poznaniye sushchnosti i mnogoobraziya prirody prava i gumanizma // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2017. – № 40. – С. 122–131. DOI: 10.17223/1998863X/40/12.

8. *Zagvyazinskiy V. I.* Real'nyy gumanizm i tendentsii razvitiya obrazovaniya // Obrazovaniye i nauka. Izvestiya Ural'skogo nauchno-obrazovatel'nogo tsentra RAO. – 2000. – № 1. – С. 10–15.

9. *Nigmatov Z. G.* Printsipy gumanizma i aksiologii v obrazovanii // Obrazovaniye i samorazvitiye. – 2015. – № 2. – С. 138–144.

10. *Ball G. A.* Ratsiogumanizm kak forma sovremennogo gumanizma i yego znachenije dlya metodologii chelovekovedeniya // Mir psikhologii. – 2013. – № 3. – С. 208–223.

11. *Ball G. A.* Psikhologicheskiye printsipy sovremennogo gumanizma // Voprosy psikhologii. – 2009. – С. 3–12.

12. *Pobegaylo E. F.* Kriminologicheskaya obosnovannost' sovremennoy ugovolnoy politiki: problemnyye voprosy i puti ikh resheniya / sbornik trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati professorov kafedry ugovolnogo prava V. A. Yeleonskogo i N. A. Ogurtsova. – Ryzan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2016. – 618 s. (С. 10–19).

13. *Pobegaylo E. F.* Problema gumanizatsii rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva v sovremennykh usloviyakh // Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad. – 2011. № 2. – С. 203–207.

14. *Pobegaylo E. F.* K voprosu o kriminologicheskoy obosnovannosti dal'neyshey gumanizatsii rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Obshchestvo & chelovek. – 2011. – № 1. – С. 68–71.

15. *Greben'kov A. A.* Alkogol'noye op'yaneniye i agressivnoye povedeniye cheloveka: ugovolno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2012. – № 2. – С. 47–51.

16. *Yendol'tseva A. V., Nikitin A. M.* P'yanstvo, yego istoki i kriminologicheskaya sushchnost' // Rossiyskiy sledovatel'. – 2013. – № 13. – С. 27–30. 17. *Muromtsev G. I., Sorochkin R. A.* Problemy primeneniya p. «о» ch. 1 st. 63 UK RF v ramkakh ugovolno-pravovogo mekhanizma bor'by s korruptsiyey // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki. – 2012. – № 55. – С. 11–17.

18. *Rarog A. I.* Ugolovnyy kodeks Rossii protiv terrorizma // Lex Russica (Russkiy Zakon). – 2017. – № 4. – С. 155–178. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178.

19. *Ivantsov S. V.* Organizovannyye formy terroristicheskoy i ekstremistskoy deyatel'nosti: reglamentatsiya i realizatsiya otvetstvennosti // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 2. – С. 91–97.

20. *Ulyanova V. V.* Problemy realizatsii ugovolnoy otvetstvennosti za sodeystviye terroristicheskoy deyatel'nosti v forme finansirovaniya terrorizma // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2014. – № 3. – С. 442–447.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 04.11.2022; принята к публикации 20.11.2022.

The article was submitted June 24, 2022; approved after reviewing November 4, 2022; accepted for publication November 20, 2022.